

ПАКЕТ С НЕОПЛАЧЕННОЙ ЖИЗНЬЮ

Алексей Корнелюк

роман

18+

Алексей Корнелюк
Пакет с неоплаченной жизнью
Серия «Не сдавайся пока не
прочитаешь эти книги», книга 2

*<https://litres.ru/74102691>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Артём Логинов не считал себя вором. Просто был плохой день, карта не прошла, очередь давила в спину, телефон разрывался, а пакет с продуктами оказался у него в руках раньше, чем он успел за всё заплатить.

Его поймали на выходе из супермаркета.

Чтобы избежать серьёзных последствий, Логинов получает странное наказание: обязательные работы в том самом магазине. Теперь он стоит у рамки в жилете охраны, смотрит в камеры и подчиняется старому сторожу, который давно понял: люди чаще всего попадают не тогда, когда воруют, а когда думают, что их никто не видит.

«Пакет с неоплаченной жизнью» — трагикомичный роман о стыде, вине и человеке, который однажды украл продукты, а потом понял, что всю жизнь выносил мимо кассы самого себя.

Алексей Корнелюк
Пакет с неоплаченной
жизнью

Пакет с неоплаченной жизнью

Логинов не хотел воровать. Вот что было самым унижительным. Если бы он хотел — всё было бы даже проще. Тогда можно было бы придумать себе какое-нибудь лицо. Хищное. Отчаянное. Криминальное. Человек идёт на дело, человек рискует, человек живёт на грани, человек плевать хотел на общественный договор, кассовую дисциплину и камеры наблюдения над отделом молочки. Но Артём Логинов не шёл на дело.

Он шёл за хлебом, молоком, курицей, дешёвым сыром по акции, туалетной бумагой, яблоками для матери, потому что мать говорила, что яблоки ей помогают от давления, хотя от давления ей помогали таблетки, которые стоили как небольшой государственный переворот. Ещё он шёл за кофе, но кофе хотел взять нормальный, а не тот, который пахнет пепельницей и студенческой общагой. Потом увидел цену и взял тот, который пах пепельницей и студенческой общагой. Так начинается не преступление. Так начинается среда.

Среда вообще была сделана плохо. Её, видимо, собирали на складе из остатков понедельника и вторника. Утром Логинов проснулся от сообщения бывшей жены: «Ты опять не перевёл». Не «доброе утро», не «как ты», не «Егор скучает», а сразу — ты опять не перевёл. В этом была вся их послебрачная архитектура. Кирпич. Раствор. Вина. Егор, которо-

му было пятнадцать, не писал вообще. Он научился молчать так, как подростки учатся курить за гаражами: сначала криво, потом профессионально.

Потом банк прислал пуш-уведомление с той радостной интонацией, с которой обычно сообщают о рождении ребёнка: списание по кредиту прошло успешно. Успешно. У банка всё всегда проходило успешно. У Логинова — нет. Потом позвонила мать.

— Артём, ты не занят?

Это была ловушка. Мать никогда не спрашивала «ты не занят?» просто так. Это означало, что сейчас ему дадут задание, просьбу, укол совести или всё сразу в одном блистере.

— Мам, я работаю.

Он не работал. Он сидел на кухне в трусах и смотрел на ноутбук, где было открыто письмо с отказом. «Мы внимательно рассмотрели вашу кандидатуру». Внимательно они рассмотрели. Может, даже всей семьёй. Сели вечером за стол, налили чай, открыли резюме Артёма Логинова и сказали: «Нет, этого не берём. У него лицо человека, который уже проиграл, но ещё спорит».

— Я быстро, — сказала мать. — Купи мне яблок. И молоко. И таблетки, если сможешь. Только не эти дешёвые, от них у меня голова ватная.

У Логинова голова тоже была ватная, но ему никто таблеток не покупал.

— Хорошо, — сказал он.

— И ты поел?

— Поел.

Он не ел.

— Ты всё время так говоришь.

— Мам.

— Ладно, не буду. Только яблоки не зелёные. От зелёных у меня кисло.

Она положила трубку так, будто простила его за жизнь, но пока условно.

После этого день пошёл мелкой галькой в ботинок. Один заказчик написал: «Артём, давайте пока поставим проект на паузу». В переводе с человеческого на русский это означало: денег не будет, но ты не обижайся, мы же культурные люди, мы не сказали тебе «пошёл вон», мы сказали «пауза». Пауза — великое слово. Им можно похоронить всё что угодно: работу, любовь, оплату, здоровье, сорокалетнего мужчину с облезлой кружкой и остатками самоуважения на дне.

К четырём часам Логинов понял, что дома сидеть нельзя. Дома вещи начинают разговаривать. Кружка говорит: ты пьёшь слишком много кофе. Холодильник говорит: я пустой, как твои планы. Зеркало в ванной говорит: ну что, герой, опять не стал никем? Даже носки под батареей смотрят с презрением. Носки вообще много о себе возомнили после стирки.

Он оделся, взял старый пуховик, в кармане нашёл чек недельной давности, скомкал его, потом зачем-то расправил

и посмотрел. Там были яйца, хлеб, корм для кота и шоколадка. Кота у Логинова не было. Корм он покупал для дворового кота с разодранным ухом, который жил возле подъезда и смотрел на всех так, будто знал про них правду. Шоколадку он купил себе, съел по дороге домой и потом весь вечер ненавидел себя за слабость. Не за кредит, не за алименты, не за ложь матери, а за шоколадку. Человек устроен гениально. Ему можно разрушить семью, забросить сына, просрать работу, но добьёт его батончик с карамелью.

На улице было мокро. Не дождь, не снег, а что-то нерешительное, как вся страна в ноябре. Логинов дошёл до магазина «Семь корзин» на углу, хотя корзин там давно никто не считал. Магазин сиял белым светом. Снаружи он выглядел как место, где жизнь можно купить по скидке. Внутри — как место, где скидка уже закончилась.

Первым делом хлеб. Батон был мягкий, как обещание, которому не верят. Потом молоко. Потом яблоки. Зелёные он не взял. Взял красные. Дорогие, скоты. Мать сказала не зелёные, значит не зелёные. Потом курица. Он долго смотрел на две упаковки: одна нормальная, другая дешевле, но с таким цветом кожи, будто птица умерла от разочарования. Взял вторую. Извините, птица. Ничего личного. Просто кредит.

В отделе сыров была акция. Акция всегда выглядела как помощь, но пахла ловушкой. «Два по цене одного» означало: один тебе не нужен, второй ты выбросишь, зато почувствуешь себя умным. Логинов взял сыр, положил обратно, взял

другой, сравнил цену за сто граммов, почувствовал себя бухгалтером на руинах Рима и в итоге взял самый дешёвый. На нём было написано «сырный продукт». Даже сыр уже не выдерживал быть сыром. Телефон снова завибрировал. Ольга.

Он посмотрел на экран и не ответил. Потом ответил, потому что не ответить бывшей жене можно только в кино. В жизни она потом напишет ещё три сообщения, и каждое будет короче предыдущего. А чем короче сообщение от бывшей жены, тем ближе конец света.

— Да.

— Ты перевёл?

— Оль, я переведу.

— Когда?

— Сегодня.

— Сегодня когда?

— Сегодня, Оля. Что ты хочешь услышать?

— Я хочу услышать, что ты взрослый человек.

Вот это она умела. Без ножа. Просто ложкой, медленно, под ребро. Логинов стоял между консервами и соусами. Рядом женщина выбирала кетчуп с таким лицом, будто от этого зависел мирный договор. Где-то орал ребёнок. По громкой связи сказали: «Уважаемые покупатели, на кассе номер четыре вас ждёт...» и дальше слова растворились в магазине, как надежды.

— Я взрослый человек, — сказал Логинов.

Ольга молчала. Это было самое обидное. Она даже не ста-

ла спорить.

— Егор спрашивал про тебя, — сказала она наконец.

— Что спрашивал?

— Ничего. Это я так сказала. Он не спрашивал.

— Спасибо.

— Не за что.

Они помолчали так, как умеют молчать люди, которые когда-то лежали в одной кровати и верили, что у них всё получится.

— Переведи хотя бы часть, — сказала она. — Мне надо за секцию платить.

— Я переведу.

— Ты всегда переводишь. Только в будущем времени.

Она отключилась. Логинов постоял ещё немного перед полкой с соусами. Перед ним стоял острый томатный, кисло-сладкий, барбекю, чесночный и сырный. Соусы были бодрее его. У них была цель. Их брали, чтобы улучшить еду. Логинов не знал, чем улучшить себя. Скидки на это не было. Он пошёл дальше и машинально положил в корзину пачку кофе. Потом пачку макарон. Потом туалетную бумагу. Потом увидел корм для кота и взял большую упаковку. Дворового кота с разодранным ухом этого хватило бы кормить неделю. Рядом лежал набор жидкого мыла — три флакона в плёнке. Логинов положил и его.

Когда подошла его очередь, Логинов уже был весь из мелкой злости. Он выгрузил продукты на ленту. Хлеб, молоко,

яблоки, курица, сырнй продукт, кофе, макароны, бумага, мыло, корм для кота. Ещё что-то. Он не помнил. Товары ехали к кассирше, как обвиняемые. Кассирша была лет сорока, может, меньше, но магазин прибавлял людям возраст быстрее, чем паспортный стол. На бейдже было написано: Лена. У Лены были тёмные круги под глазами и губы, сжатые в тонкую линию. Так выглядят люди, которые за день сказали «пакет нужен?» триста раз и каждый раз немного умерли.

— Пакет нужен? — спросила Лена.

Логинов усмехнулся. Не потому что было смешно. Просто во рту скопилась усталость, и ей нужен был выход.

— Нужен.

Она пробила пакет. Пакет стоил девять рублей. Девять рублей за то, чтобы было куда сложить продукты, которые ты покупаешь на деньги, которых у тебя нет. Логинов подумал, что это честно. За всё надо платить. Даже за пустоту с ручками. Телефон завибрировал. Банк напомнил: денег мало. Лена назвала сумму — две тысячи триста восемьдесят шесть рублей. Логинов приложил карту. Терминал пискнул и загорелся красным.

— Ещё раз, — сказал он.

Второй писк ничего не изменил. За спиной переступили с ноги на ногу. Логинов открыл банковское приложение; связь висела, остаток на счёте выглядел как насмешка.

— Может, часть убрать? — спросила Лена.

Фраза была технической, но попала точно. Убрать кофе.

Сыр. Половину яблок для матери. Он ещё несколько секунд смотрел на крутящийся значок, потом сдался.

— Уберите кофе, — сказал он.

Лена взяла кофе и отложила. Сумма стала меньше. Всё равно не хватало.

— И сыр.

Она отложила сырный продукт. Даже сырный продукт оказался выше его бюджета.

— И яблоки, — сказал он.

— Все?

Он представил мать.

— Нет. Половину.

Лена взвесила яблоки заново. Очередь теперь уже не просто дышала. Очередь имела мнение. Очередь родилась, выросла, получила образование, прочитала несколько статей о том, что люди обнаглели, и пришла умереть за его спиной. Он приложил карту. Писк. Оплата прошла. Лена начала складывать продукты. Логинов тоже начал. Быстро, нервно, как будто продукты могли убежать. Хлеб, молоко, курица, макароны, бумага. Корм для кота. Мыло. Яблоки. Пакет шуршал. Пакет всегда шуршит так, будто знает больше всех.

— Чек нужен? — спросила Лена.

— Нет.

Это была ошибка номер один. Он взял пакет и пошёл к выходу. На этом месте жизнь могла проявить милосердие. Просто дать ему выйти. Дойти до дома. Положить продукты. По-

звонить матери. Перевести бывшей хотя бы часть. Съесть макароны. Открыть ноутбук. Получить ещё один отказ. Уснуть с телефоном на груди, как с маленьким чёрным кирпичом на могиле. Но жизнь милосердие не проявила. На выходе за-пищала рамка. Сначала Логинов даже не понял, что это из-за него. Рамки пищат постоянно. Из-за магнитов, бутылок, детских курток, чужой судьбы. Он сделал ещё шаг.

— Мужчина, подождите, — сказал охранник.

Молодой, широкий, с телефоном. Логинов остановился.

— Что?

— Пройдёмте.

— Куда?

— В сторону.

— Зачем?

— Проверим.

И вот тут внутри у Логинова поднялось что-то отвратительное. Не вина. Не страх. А оскорблённое достоинство человека, которому нечего предъявить, кроме оскорблённого достоинства.

— Что проверим?

— Пакет.

— Я оплатил.

— Пройдёмте.

Люди начали смотреть. Они всегда смотрят. Даже если делают вид, что не смотрят. Периферийным зрением, уголком глаза, внутренней сволочью. Смотрят, потому что чу-

жой позор — бесплатный театр. Особенно в магазине, где всё остальное дорожает.

— Я оплатил, — повторил Логинов громче.

— Я вас услышал.

— Нет, вы не слышали. Я сказал: я оплатил.

Охранник был молод, но уже владел главным приёмом службы безопасности: лицом деревянной двери.

— Камеры посмотрим.

— Какие камеры? Вы нормальный вообще?

Это была ошибка номер два. На слове «нормальный» Лена, кассирша, подняла голову. Очередь, которую он задерживал, теперь получила продолжение сериала. Мужчина с пельменями стоял у кассы и смотрел с интересом человека, которому дали компенсацию за ожидание.

— Мужчина, не надо шуметь, — сказала Лена.

— А вы не вмешивайтесь.

Это была ошибка номер три. Быстрая. Красивая. Сразу в лицо единственному человеку, который ещё мог бы сказать: да ладно, бывает. Лена медленно выдохнула.

— Саша, позови Семёна Ильича, — сказала она охраннику.

Саша нажал что-то на рации.

— Семён Ильич, подойдите на выход.

Логинов почувствовал, как мир сужается до пакета в его руке. Пакет был обычный. Белый, с зелёным логотипом «Семь корзин». Внутри лежали хлеб, молоко, курица, макар-

роны, мыло, бумага, корм для кота и несколько красных яблок. Он вдруг понял, что не помнит, пробили ли корм для кота. И мыло. И ещё что-то. В голове всё смешалось: Ольга, банк, мать, очередь, приложение, «уберите кофе», «уберите сыр», «половину яблок». Он складывал продукты быстро. Лена пробивала быстро. Он сказал «чек не нужен». Он был уверен, что оплатил. Почти уверен. Он опять спрятался в слове «почти». Из глубины магазина вышел старик.

Не совсем старик. Скорее мужчина того возраста, когда человек уже не пытается выглядеть моложе, потому что знает: молодость всё равно не поверит. Седые волосы, узкое лицо, сухая шея, тёмная форма, жилет охраны, который сидел на нём так, будто он родился сразу с надписью «ОХРАНА» на спине. Он шёл медленно, немного прихрамывая, но без слабости. В руке держал кружку. На кружке была облезлая надпись: «Лучший дедушка». Возможно, кружка врал.

— Что у нас? — спросил он.

Голос был спокойный. Даже скучный. Как у человека, который видел всё и теперь экономит эмоции.

— Рамка сработала, — сказал Саша. — Мужчина нервничает.

— Я не нервничаю, — сказал Логинов.

Семён Ильич посмотрел на него. Просто посмотрел. Логинову захотелось поправить воротник, вытереть лоб, достать паспорт, школьный аттестат, свидетельство о браке, разводе, резюме, все свои неудачные попытки быть приличным чело-

веком и положить перед этим взглядом. Мол, смотрите, я не вор. Я просто идиот. Это другое ведомство.

— Пакет покажите, — сказал Семён Ильич.

— На каком основании?

Старик чуть повернул голову.

— На том, что он у вас в руке, а рамка орёт, как вдова на похоронах.

Саша хмыкнул. Лена не улыбнулась. Очередь оценила.

— Я могу сам всё показать, — сказал Логинов. — Только не надо вот этого цирка.

— Цирк у нас по пятницам, когда начальство приезжает, — сказал Семён Ильич. — Сегодня среда. Показывайте.

Логинов поставил пакет на столик у выхода. Руки у него были неприятно лёгкие. Так бывает, когда тело уже знает, что сейчас будет плохо, а голова ещё надеется на техническую ошибку. Семён Ильич достал продукты один за другим. Хлеб. Молоко. Курица. Макароны. Бумага. Мыло. Корм для кота. Яблоки. Потом он попросил Лену поднять чек по кассе. Лена быстро нашла операцию.

— Хлеб есть. Молоко есть. Курица есть. Макароны есть. Бумага есть. Яблоки есть, половина. Мыла нет. Корма нет.

Тишина. Небольшая. Но качественная.

— Я думал, пробили, — сказал Логинов.

Голос у него стал чужой. Тонкий. Неприятный.

— Конечно, — сказал Семён Ильич.

— Что значит «конечно»?

— Ничего. Все так думают.

— Я не все.

Старик посмотрел на мыло. Потом на корм для кота.

— Это хорошо, — сказал он. — А то все уже занято.

Логинов почувствовал жар в лице.

— Слушайте, я сейчас оплачу. В чём проблема?

— Проблема, — сказал Семён Ильич, — обычно начинается не там, где человек готов оплатить. А там, где его уже поймали.

— Я не вор.

Старик кивнул. Не согласился. Не поспорил. Просто кивнул, как врач, которому пациент говорит: «Я почти не пью».

— Это мы сейчас выясним.

— Что выясним? Из-за мыла и кошачьего корма?

— Не кошачьего, — сказал Логинов зачем-то. — Для дворового.

Ему самому стало противно. Вор с социальной ответственностью. Украл корм не себе, а коту. Почти благотворительность. Можно сразу в совет фонда. Семён Ильич взял корм, посмотрел на пакетик.

— Кот подтвердит?

Очередь прыснула. Кто-то сразу сделал вид, что кашляет. Логинов хотел ударить старика. Не сильно. Просто чтобы прекратилось. Потом понял, что это желание окончательно делает его главным героем плохой новости.

— Я оплачиваю и ухожу, — сказал он.

— Нет, — сказал Семён Ильич.

— В смысле нет?

— В прямом. Сейчас пройдем в комнату охраны.

— Я никуда не пойду.

Семён Ильич поставил кружку на столик. Медленно. Аккуратно. Как человек, который перед дракой сначала убирает всё быющее, потому что деньги считать умеет.

— Пойдете.

— Вы мне угрожаете?

— Я вам экономлю силы. Вы сейчас будете говорить громко, потом стыдно, потом всё равно пойдёте. Давайте сразу с третьего пункта.

Логинов открыл рот. И закрыл. Потому что старик был прав. А это всегда хуже угрозы. Саша взял пакет. Логинов автоматически потянулся за ним.

— Пакет мой.

Семён Ильич посмотрел на него снова. Теперь в его взгляде было что-то почти весёлое. Совсем немного. Как копейка под кассой.

— Вот с этого, Артём...

— Откуда вы знаете моё имя?

— Карта у вас именная. Вы ею тут машете, как флагом побеждённой армии.

Логинов посмотрел на свою карту в руке. На ней действительно было написано: ARTEM LOGINOV. Латиницей. Как будто он был не мужик с неоплаченным мылом, а междуна-

родный провал.

— Так вот, Артём Логинов, — сказал Семён Ильич, — с этого всё обычно и начинается.

— С чего?

— С фразы «пакет мой».

Старик взял свою кружку.

— Пойдёмте. Посмотрим, что ещё у вас ваше.

Семён Ильич открыл дверь комнаты охраны. Внутри пахло старым чаем, пылью, дешёвым пластиком и чужими оправданиями. На стене висели мониторы. На мониторах магазин был разрезан на квадраты: кассы, вход, молочка, алкоголь, склад, бытовая химия, проходы, люди. Маленькие люди в маленьких квадратах. Каждый думал, что идёт по своим делам. Каждый был виден сверху. Семён Ильич сел на стул, поставил кружку рядом с клавиатурой и кивнул Логинову на второй стул.

— Садитесь.

— Я постою.

— Как хотите. Многие сначала стоят.

— А потом?

Старик включил запись. Камера смотрела сверху и без звука. Логинов говорил по телефону, убирал кофе и сыр, Лена двигала товары вдоль края кассы. На несколько секунд пакет закрыл руки обоих. Потом мыло и корм оказались внутри вместе с оплаченными продуктами. Кто именно их сдвинул и что в этот момент понял Логинов, запись не показывала.

— Ну? — спросил он. — Видно же, что я не прятал.

Семён Ильич остановил кадр, где Логинов уже держал пакет.

— Видно, что вы унесли товар. Остальное камера не снимает.

— Я случайно.

— Может быть. Только случайность теперь придётся объяснять не рамке.

Логинов посмотрел на него. Мониторы тихо гудели. На одном экране женщина выбирала помидоры. На другом грузчик толкал тележку. На третьем Лена снова спрашивала кого-то про пакет. Весь мир продолжал покупать, воровать, платить, не платить, жить, не жить. Только Логинов стоял в комнате охраны и чувствовал, что его жизнь наконец-то пробили на кассе.

— Я не вор, — сказал он уже тише.

Семён Ильич взял кружку и сделал глоток.

— Может быть, — сказал он. — Но сегодня вы вышли через рамку.

Он нажал кнопку, и запись снова пошла. На экране Артём Логинов шёл к выходу с белым пакетом в руке. Шёл быстро. Почти свободный.

Глава 2. Не вор

В комнате охраны человеку сразу становится понятно, что цивилизация — это тонкая наклейка на двери. Логинов стоял у стены и смотрел на запись, где он сам, маленький и серый, выходил из магазина с пакетом. Ему не нравилось смотреть на себя сверху. Сверху человек всегда выглядит хуже. Сверху видно лысину, сутулость, спешку и вообще всю неудачную географию существования. Бог, если он есть, наверное, поэтому редко вмешивается. С такого ракурса сразу понятно: поздно. Семён Ильич остановил запись.

— Видите?

— Вижу.

— Что видите?

Логинов встретил его взгляд.

— Что я случайно положил в пакет два товара.

— Хорошо, — сказал Семён Ильич. — Уже не «я всё оплатил». Прогресс.

— Не надо со мной так разговаривать.

— Как?

— Как будто я какой-то...

Он не договорил. Слова бывают опаснее фактов. Факт лежит на столе: мыло, корм для кота, чек. Слова лезут глубже. Если сказать «вор», потом придётся либо драться, либо соглашаться. Оба варианта плохие. Особенно когда драться не

с кем, кроме собственного отражения на чёрном экране монитора.

— Как будто вы какой-то кто? — спросил Семён Ильич.

— Вы прекрасно понимаете.

— Я много чего понимаю. С годами это проходит.

Логинов усмехнулся. Нервно. Неудачно.

— Слушайте, давайте без спектакля. Я сейчас оплачиваю эти два товара и ухожу. Всё.

Семён Ильич подвинул к себе журнал происшествий. Открыл. Страницы были исписаны ровным стариковским почерком. Не почерк — бухгалтерия человеческого позора. Дата, время, фамилия, товар, сумма, объяснение. Логинов успел увидеть несколько строчек: «шоколад, 2 шт.», «колбаса», «набор батареек», «крем для лица», «конфеты». Воруют всё. Даже крем для лица. Особенно крем для лица. Человек хочет выглядеть лучше, чем поступает. Ничего нового.

— Уйти сразу не получится, — сказал Семён Ильич.

— Почему?

— Потому что у нас инструкция.

— Инструкция, — повторил Логинов. — Конечно. В этой стране инструкция есть даже у унижения.

— У унижения обычно самая подробная.

— Вы всегда такой остроумный?

— Нет. Только когда у человека в пакете неоплаченное мыло.

Логинов вздохнул и сел. Не потому что сдался. Просто

ноги вдруг стали ватными. Организм понял раньше головы: вертикальное положение больше не подчёркивает достоинство, а только увеличивает вероятность упасть.

— Я не вор, — сказал он.

— Документы есть? — спросил Семён Ильич.

— Зачем?

— Чтобы понять, как вас зовут, кроме имени на карте.

— Я уже сказал.

— Люди много чего говорят.

Логинов достал паспорт. Паспорт был потёртый, как лицо владельца. Семён Ильич взял его, открыл, посмотрел на фотографию. На фотографии Логинов был моложе на десять лет и всё ещё делал вид, что у него есть план. В паспортном столе почему-то всегда фотографируют не человека, а его будущие разочарования.

— Артём Викторович, — прочитал Семён Ильич.

— Да.

— Сорок лет.

— Спасибо, я помню.

— Это хорошо. Многие начинают забывать после тридцати пяти. Сначала возраст, потом обещания, потом детей.

Логинов дёрнулся.

— Вы сейчас на что намекаете?

— Я сейчас записываю паспортные данные.

— Нет, вы не записываете. Вы лезете.

— Лезу, — согласился Семён Ильич. — Работа такая. Од-

ни в пакеты лезут, другие в людей.

Логинов хотел сказать что-то резкое, но телефон завибрировал. На экране было: «Мама». Он выключил звук. Сразу стало хуже. Невыключенный звонок давит снаружи. Выключенный — изнутри.

— Отвечайте, — сказал Семён Ильич.

— Не ваше дело.

— Конечно не моё. Поэтому и отвечайте. Моё дело — мыло.

Телефон замолчал. Через несколько секунд пришло сообщение: «Ты купил?» Логинов перевернул телефон экраном вниз.

— Писать будем объяснение, — сказал он.

— Какое ещё объяснение?

— Обычное. Почему товар оказался неоплаченным.

— Я уже объяснил. Случайно.

— Так и напишите.

— Я не буду ничего писать.

— Будете.

— Не буду.

— Тогда вызовем полицию, там напишете.

Слово «полиция» ударило не громко, но точно. В комнате как будто стало меньше воздуха. Логинов почувствовал, как по спине снова пошёл пот. Противный. Холодный. От него хотелось снять кожу и повесить на батарею.

— Из-за мыла? — спросил он.

— Из-за мыла, корма и поведения.

— А поведение теперь тоже продаётся у вас по штрихкоду?

— Нет. Поведение бесплатно. Поэтому его у всех мало.

Логинов закрыл лицо ладонями. На секунду. Потом убрал. Нельзя сидеть с закрытым лицом в комнате охраны. Это уже почти признание. Хотя он не знал, в чём именно. В мыле? В корме? В сорока годах? В том, что бывшая жена была права? В том, что он действительно не взрослый человек, а подросток с просроченными документами, который научился бриться, платить кредиты и говорить: «Я всё решу», но ничего не решил?

— Я оплачу, — сказал он. — Давайте я просто оплачу. Сколько там? Двести рублей? Триста? Я оплачу.

— Сейчас не в деньгах дело.

— Конечно. У нас же духовный магазин. Тут смысл продают на развес.

— Смысл у нас закончился. Осталась только инвентаризация.

Логинов сжал зубы и написал: «...по невнимательности положил в пакет неоплаченные товары, а именно мыло и корм для кота. Умысла на хищение не имел. Готов оплатить».

Дверь открылась. Вошла женщина лет сорока пяти в чёрных брюках, белой блузке и с лицом человека, который десять лет подряд спит по пять часов и называет это графиком.

На бейдже было: Марина Сергеевна, директор магазина. Волосы собраны, губы накрашены усталым красным. В руках планшет. В глазах — план продаж, недостача, штрафы, проверки, сотрудники, покупатели и желание лечь лицом в отдел заморозки.

— Что случилось? — спросила она, хотя уже знала. Директора магазинов спрашивают «что случилось?» не для информации. Это ритуал. Как священник спрашивает грешника, раскаивается ли он, хотя видит, что тот просто хочет домой.

Семён Ильич протянул ей объяснение.

— Мыло, корм. Не оплачено. Рамка. По камерам случайность возможна, но товар вынесен за кассовую зону.

Марина Сергеевна посмотрела на Логинова.

— Вы понимаете, что мы обязаны оформить?

Логинов поднял руки.

— Я понимаю, что у вас тут все обязаны. Один я почему-то виноват.

Марина Сергеевна моргнула. Не удивилась. Просто добавила его фразу в общую копилку человеческого мусора.

— Артём Викторович, — сказала она. — В вашем пакете находился неоплаченный товар.

— Я не спорю.

— Вы спорите с момента задержания.

— Потому что меня выставили вором перед всем магазином.

— Вы сами шумели.

— А мне надо было что? Поклониться рамке?

— Вам надо было спокойно пройти и разобраться.

— Я спокойно и разбираюсь.

Семён Ильич кашлянул.

— Относительно, — сказал он.

Логинов повернулся к нему:

— Вы можете хоть пять минут не вставлять свои комментарии?

— Могу.

Пауза.

— Но не хочу.

Марина Сергеевна потерла переносицу. Жест был маленький, но в нём помещался весь российский ритейл.

— Сумма небольшая, — сказала она. — Но у нас политика компании. Мы должны вызвать группу.

— Какую группу?

— Полицию.

Логинов встал.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Из-за двух товаров?

— Не из-за двух товаров. Из-за факта выноса неоплаченного товара.

— Это одно и то же.

— Для вас. Для нас нет.

Вот это было хуже всего. В мире Логинова всё ещё существовали обстоятельства, намерения, усталость, звонки, карты, мать, бывшая жена, кот, стыд, плохой интернет, очередь, человеческий фактор. В мире магазина существовал факт. Товар вынесен. Товар не оплачен. Рамка сработала. Камера записала. Объяснение принято. Группа вызвана. Мир магазина был тупее человеческого, зато крепче.

— Я оплачу в десятикратном размере, — сказал Логинов.

Марина Сергеевна посмотрела на него так, будто он предложил ей взятку конфетами.

— Мы не рынок.

— Да что вы говорите.

— Артём Викторович, не усложняйте.

— Это вы усложняете.

— Нет, — сказала она. — Вы усложнили, когда вышли через рамку.

Фраза была почти такой же, как у Семёна Ильича. Может, у них тут был учебник. «Сто способов сказать человеку, что он попался». Логинов сел обратно. Он вдруг понял: всё. Сейчас запустилась машина. Маленькая, дешёвая, административная, но машина. Она уже щёлкнула зубцами. Ей не важно, как он выглядел в школе, что он когда-то получал премию на работе, что сыну надо оплатить секцию, что мать ждёт яблоки, что он не собирался. Машина не любит намерений. У неё от них изжога. Телефон снова завибрировал. Мать: «Артём, ты где?» Он не ответил.

Ольга написала следом: «Когда переведёшь? Мне не смешно».

Ему тоже не было смешно. Происходящее было смешным не весёлым, а больным способом: человек сорок лет шёл к тому, чтобы его остановили у выхода из-за мыла для рук. Предмет чистоты. Неоплаченный. Даже издевательство получилось хозяйственным.

— Можно позвонить? — спросил Логинов.

— Кому?

— Маме.

— Можно.

— Вы будете слушать?

— Буду стараться не слышать.

— Разница?

— Большая. Особенно в браке.

Логинов взял телефон и вышел в коридор. Семён Ильич не остановил. Видимо, не считал его бегуном. Или знал, что бежать некуда. Самые надёжные наручники — это когда человеку стыдно. Он набрал мать.

— Артём? — сразу сказала она. — Ты купил?

— Мам, я задерживаюсь.

— Что случилось?

— Ничего. Там... очередь.

— Ты простыл? Голос какой-то.

— Нет.

— Ты ел?

— Мам, я в магазине.

— Я поняла, что в магазине. Ты купил яблоки?

Логинов посмотрел на стену коридора. На ней висел плакат: «Улыбка покупателя начинается с тебя». Кто-то ручкой пририсовал улыбке усы.

— Купил.

— Не зелёные?

— Не зелёные.

— Хорошо. А молоко?

— Да.

— Таблетки?

— Потом куплю.

— Ты только не забудь. У меня осталось две.

Он закрыл глаза.

— Не забуду.

— Ты точно нормально?

Он хотел сказать: нет, мам. Не нормально. Твоего взрослого сына поймали с неоплаченным мылом. Он сидит в комнате охраны, ждёт полицию и думает, что, возможно, вся его жизнь была неоплаченной покупкой. Но вслух сказал:

— Нормально.

Мать помолчала.

— Ты всегда так говоришь, — сказала она.

Он не нашёл ответа.

— Я скоро, — сказал он.

— Артём.

— Да?

— Возьми себе что-нибудь поесть. Ты же опять ничего не ел.

Он почти рассмеялся. Почти. Но смех застрял где-то под горлом и стал болью.

— Хорошо, мам.

Он отключился. Когда вернулся, Семён Ильич сидел на том же месте и смотрел в монитор. Чай стоял рядом. Логинов сел на стул уже без сопротивления. Это было неприятное открытие: человек быстро привыкает сидеть там, где его унижают, если понимает, что стоять ещё глупее.

— Мать? — спросил Семён Ильич.

— Не ваше дело.

— Значит, мать.

— Вы всех так читаете?

— Нет. Просто у вас лицо стало хуже.

— Спасибо.

— Не за что.

Они помолчали.

— Она думает, что вы яблоки выбираете, — сказал Семён Ильич.

Логинов посмотрел на него резко.

— Я же сказал, не ваше дело.

— Конечно.

— Тогда зачем?

Старик пожал плечами.

— Иногда полезно знать, кто ждёт человека с пакетом.

Эта фраза почему-то попала. Не сильно. Без крови. Но глубоко. Кто ждёт человека с пакетом. Мать ждёт яблоки. Дворовый кот ждёт корм. Бывшая жена ждёт перевод. Сын, возможно, ничего не ждёт. Это хуже. Когда от тебя уже ничего не ждут, ты становишься свободным как мусорный пакет на ветру.

— У вас дети есть? — спросил Логинов.

Семён Ильич медленно поставил кружку.

— Были.

Логинов понял, что зашёл туда, куда не собирался. Но отступать было поздно.

— В смысле?

— В прямом.

Старик повернулся к монитору. Разговор закончился. Не потому что Семён Ильич попросил. Просто в комнате появилась закрытая дверь, хотя физически дверь была открыта. У каждого человека есть такие двери. На них не написано «служебное помещение», но лучше не входить. Там обычно лежит то, что не помещается в протокол. Минут через двадцать приехали двое полицейских.

Один был молодой, с лицом человека, который ещё верил, что форма делает его взрослее. Второй — постарше, с животом, усталыми глазами и выражением вечного «ну что опять». Они вошли в комнату охраны так, будто здесь уже были сто раз. Наверное, были. Магазины кормят полицию не

хуже столовых.

— Что у нас? — спросил старший.

— Неоплаченный товар, — сказала Марина Сергеевна, которая вернулась вместе с ними. — Мыло и корм. Сумма тысяча двести сорок восемь рублей.

Старший полицейский посмотрел на Логинова.

— Богато живём.

— Я случайно, — сказал Логинов.

— Конечно.

Логинов чуть не застонал. Сегодня это слово преследовало его. Конечно. Конечно, случайно. Конечно, не вор. Конечно, плохой день. Конечно, все люди хорошие, пока камера не приблизит. Полицейские посмотрели запись. Прочитали объяснение. Переписали паспорт. Задали вопросы. Логинов отвечал. Всё происходило буднично. Никто не кричал, не бил лампой в лицо, не требовал признаться в ограблении века. Именно от этого было особенно мерзко. Трагедия Логинова была для всех рабочим эпизодом. Для него — падение. Для них — мыло, корм, тысяча двести сорок восемь рублей, среда, вечер.

— Ранее привлекались? — спросил молодой.

— Нет.

— Работаете?

Логинов замаялся. Плохая пауза. Очень плохая. В ней было всё: потерянные проекты, фриланс, резюме, «мы внимательно рассмотрели», бывшие коллеги, которые теперь пи-

сали «держись», когда не хотели помочь.

— Временно без постоянного места, — сказал он.

Старший полицейский поднял брови.

— То есть не работаете.

— Я работаю. Просто...

— Неофициально?

— Проектно.

— Пишем: временно не работает.

И написал. Вот так человек исчезает. Проектно — это ещё какое-то достоинство. Временно не работает — уже полутруп в базе. У языка государства нет полутонов. Оно не знает фриланса, усталости, рынка, кризиса, попыток. Оно знает: работаешь или нет, женат или нет, судим или нет, украл или нет. Всё остальное — лирика, за которую не платят.

— Будет материал, — сказал старший. — Дальше разберутся. Сумма небольшая, но факт есть.

— Что значит «дальше»? — спросил Логинов.

— Проверка. Объяснения. Возможно, административка. Может, отделаетесь штрафом. Может, обязательные работы. Это уже не мы решаем.

— Обязательные работы? — переспросил Логинов.

Семён Ильич посмотрел на монитор. Марина Сергеевна посмотрела в планшет. Молодой полицейский поправил ремень. Все сделали вид, что это обычные слова. Может, для них так и было.

— Вы шутите? — сказал Логинов.

— Похож? — спросил старший.

Он не был похож.

— Из-за мыла и корма?

Старший полицейский закончил бумаги.

— Подпишите здесь. И здесь.

Логинов подписал. Роспись вышла кривой.

— Можете оплатить товар, — сказала Марина Сергеевна.

— Но это не отменяет оформления.

Логинов достал карту.

— Наличными есть? — спросила Лена, появившись в дверях. Видимо, её позвали пробить товар.

— Картой.

Он приложил карту. Писк. Отказ. Вот это уже было не смешно. Даже вселенная должна знать меру. Но у вселенной с этим всегда были проблемы. Логинов приложил ещё раз. Писк. Красное. Он почувствовал, что сейчас либо закричит, либо исчезнет. Второе казалось предпочтительнее. Просто стать прозрачным, пройти сквозь стены, выйти на улицу, раствориться в мокром ноябре, стать пакетом на ветке, кормом для кота, мылом, чем угодно, только не Артёмом Викторовичем Логиновым, сорока лет, временно не работающим, ранее не привлекавшимся, теперь почти привлекавшимся, без денег даже на оплату того, что он случайно вынес.

— Я оплачу, — сказал он. — Сейчас. У меня перевод дол-

жен...

Слова сыпались. Жалкие. Липкие. Он ненавидел их и всё равно говорил.

— Давайте я, — сказала Лена.

Все посмотрели на неё.

— Что? — спросил Логинов.

Лена стояла в дверях с терминалом в руке. Лицо у неё было такое же усталое, как и раньше. Никакой доброты. Никакого сияния. Просто женщина, которая хочет закончить смену и не смотреть, как взрослый мужик распадается из-за тысячи с мелочью.

— Я оплачу, — сказала она. — Потом отдадите. Или не отдадите. Мне всё равно. Только не стойте тут до ночи.

— Не надо, — сказал Логинов.

— Надо, — сказала она и приложила свою карту.

Писк. Оплата прошла. Тишина стала ещё хуже. Логинов смотрел на терминал. Потом на Лену.

— Я верну.

— Конечно, — сказала она.

Она сказала это без издёвки. И именно поэтому ударило сильнее. Конечно. Он хотел умереть, но умирать было некогда. Надо было подписать ещё одну бумажку. Когда всё закончилось, было уже почти девять. Полицейские ушли. Марина Сергеевна ушла. Лена вернулась на кассу. Саша снова встал у входа с телефоном. Магазин проглотил происшествие, переварил его и продолжил работать. У магазинов хо-

роший желудок. Они переваривают всё: хамство, недостатки, чужую бедность, просрочку, слёзы сотрудников в подсобке, людей, которые говорят «я не вор», и людей, которые просто молча кладут шоколадку в карман. Семён Ильич отдал Логинову пакет.

— Мыло теперь оплачено, — сказал он. — Корм тоже.

Логинов взял пакет. Он стал тяжелее. Хотя товаров в нём не прибавилось.

— Я Лене верну, — сказал он.

— Верните.

— И больше сюда не приду.

Семён Ильич открыл дверь.

— Идите домой, Артём Викторович. Мать ждёт.

Логинов вышел в магазин. Теперь все товары казались ему свидетелями. Мыло стояло рядами и смотрело. Корм для котов лежал в пакетиках и помнил. Яблоки в ящиках блестели красными круглыми обвинениями. Кассы пищали, как маленькие электронные судьи. У выхода рамка молчала. Он прошёл через неё. Тишина. Ни писка. Свободен. Вот только свобода почему-то не обрадовалась. На улице было мокро и темно. Ноябрь висел над районом, как невыстиранная тряпка. Логинов остановился у входа, достал телефон. От Ольги было новое сообщение: «Ты опять пропал?»

От матери: «Я поставила чай».

Он посмотрел на пакет в руке. Пакет был оплачен. Всё остальное — нет.

Глава 3. Приговор без решётки

На следующий день Логинов узнал, что позор умеет просыпаться раньше человека. На экране телефона лежали яблоки от матери и усталость Ольги. В прихожей стоял вчерашний пакет. Ночью он был трагедией, утром снова стал хлебом, молоком, мылом и кормом.

Логинов открыл приложение банка. Денег всё ещё не хватало, но ему пришёл перевод от какого-то старого заказчика: пять тысяч рублей с комментарием «за правки». Правки. Он правил чужой текст, пока собственная жизнь ехала в корзине с кривым колёсиком. Он сразу собрался перевести Лене тысячу триста рублей. Нашёл её номер на чеке? Нет. Чека не было. Чек он не взял. Разумеется. Чек был нужен вчера как доказательство, но вчера он сказал «нет». Поэтому номер Лены у него не было. У него вообще не было ничего, кроме имени на бейдже и унижения. Тогда он перевёл Ольге две тысячи. Приложение спросило: «Вы уверены?» Банк заботился о нём в самые странные моменты.

Он нажал «да».

Ольга почти сразу написала: «Получила».

Потом: «Спасибо».

Без смайлика. Без тепла. Но и без ножа. Уже праздник.

Логинов набрал: «Вчера был сложный день». Посмотрел на фразу. Стер. Написал: «Прости». Посмотрел. Стер. Напи-

сал: «Как Егор?» Посмотрел. Стер. В итоге не отправил ничего. Так люди и становятся бывшими: не потому что перестали любить, а потому что начали стирать все нормальные фразы до того, как они дойдут.

Суд был назначен на вторник, десять тридцать утра. Здание мирового суда стояло во дворе между аптекой, пунктом выдачи заказов и магазином «Всё для праздника». Неплохое соседство. Сначала тебя судят, потом ты покупаешь валерьянку, забираешь дешёвые носки и шарики для дня рождения, если жизнь ещё не окончательно разонравилась.

В коридоре суда пахло мокрыми куртками, старым линолеумом и государством. Государство пахнет особенным образом. Не флагом, не гербом, не гимном. Оно пахнет кабинетом, где давно не открывали окно, потому что окно заклинило ещё при другом президенте. На стене висело расписание дел. Фамилии. Время. Статьи. Логинов нашёл себя. «Логинов А.В.» Напротив — номер кабинета. Вот и всё. Сорок лет, несколько неудачных работ, брак, развод, сын, мать, кредиты, кот, неоплаченное мыло — всё сжалось до семи букв и двух инициалов.

Кабинет был маленький. Стол судьи, флаг, герб, компьютер, стопки бумаг, стул для Логинова. Никакого величия. Человек ожидает, что суд будет похож на кино: дерево, молоток, торжественная тишина, адвокаты, фраза «протестую». На деле суд похож на кабинет завуча, только завуч имеет право испортить тебе жизнь официальнее.

Судья была женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и лицом, которое давно научилось не удивляться. У неё были очки на тонкой цепочке и взгляд человека, который за утро уже выслушал три истории о том, что «само получилось». Перед ней лежало дело Логинова. Тонкое. Даже обидно. Он хотел, чтобы его падение было хотя бы толще.

— Логинов Артём Викторович? — спросила судья.

— Да.

— Дата рождения?

Он ответил.

— Место работы?

Пауза.

— Временно без постоянного места.

Секретарь печатала. Пальцы стучали по клавиатуре, как дождь по чужому подоконнику.

— То есть не работаете? — уточнила судья.

— Выполняю частные заказы.

— Официально не трудоустроены?

— Да.

Вот оно. «Да» как маленький гвоздь. Судья прочитала материалы. Логинов сидел и смотрел на её руки. Руки были аккуратные, с короткими ногтями. Она переворачивала страницы без эмоций. Объяснение Логинова. Протокол. Характеристика товара. Чек. Запись с камер. Наверное, где-то там он снова шёл с пакетом. Его жизнь стала приложением к делу.

— Вину признаёте? — спросила судья.

Логинов ожидал этого вопроса. Он готовился. В голове у него было несколько вариантов. «Частично». «Факт выноса признаю, умысла не признаю». «Прошу учесть обстоятельства». «Я не хотел». «У меня был плохой день». «Я нормальный человек». В коридоре все эти фразы казались разумными. В кабинете они вдруг стали похожи на дешёвые пакеты, которые рвутся от первого же угла.

— Факт признаю, — сказал он. — Умысла не было.

Судья посмотрела на него поверх очков.

— То есть товар в пакете оказался случайно?

— Да.

— Почему чек не взяли?

— Не подумал.

— Почему не проверили?

— Торопился.

— Почему конфликтовали с сотрудниками магазина?

Логинов открыл рот. Закрыл.

— Растерялся, — сказал он.

Судья кивнула. Не как человек, который поверил. Как человек, который поставил галочку в месте «объяснение дано».

— Ранее привлекались?

— Нет.

— Материальный ущерб возмещён?

— Да.

— Кем?

У Логинова дёрнулось лицо.

— Товар был оплачен.

— Кем?

Он сглотнул.

— Сотрудницей магазина. Я потом вернул.

Это было не совсем правда. Он не вернул. У него не было номера. Он ходил в магазин? Нет. Он не смог. Он три дня обходил его по другой стороне улицы, как кладбище. Он хотел зайти, найти Лену, вернуть ей деньги. Потом представлял её взгляд. Потом шёл дальше. Врал он плохо. Но судья не стала разбирать Лену. У неё был график. Государство может быть милосердным, когда торопится.

— Потерпевшая сторона претензии имеет? — спросила судья секретаря.

Секретарь посмотрела в бумагу.

— Представитель магазина не явился, ходатайство о рассмотрении без участия. Ущерб возмещён. Просят принять меры в соответствии с законом.

Вот она, фраза мечты. «В соответствии с законом». Её можно ставить на надгробие любому человеческому обстоятельству. Судья снова посмотрела на Логинова.

— Что можете пояснить?

Он мог пояснить многое. Что в сорок лет страшно понимать: ты не герой, не злодей, не особый случай, а усталый мужчина, который не смог оплатить мыло. Что иногда человек ворует не потому, что хочет чужого, а потому что у него

внутри давно не сходится касса. Что вчерашний день был не преступлением, а дырой. Что он стыдится. Правда стыдится. Не так, как положено говорить в суде, а физически: кожей, желудком, пальцами. Что мать ждала яблоки. Что сын не пишет. Что бывшая жена права. Что он не хотел. Что он не хотел. Что он не хотел.

Он сказал:

— Прошу строго не наказывать.

Отлично, Логинов. Мощно. Прямо из глубин. Так говорят все люди, у которых язык испугался быть живым. Судья удалилась. Это заняло семь минут. В маленьком кабинете удалиться было некуда, поэтому она просто вышла через дверь в соседнее помещение. Логинов остался на стуле. Секретарь печатала что-то своё. Где-то в коридоре кто-то кашлял. За окном росла голая берёза. У берёзы не было административных дел. Но и листьев тоже не было. У каждого своя форма наказания. Судья вернулась. Все встали. Логинов тоже.

Постановление читалось ровным голосом. Слова шли мимо него: установил, рассмотрев, материалы дела, мелкое хищение, обстоятельства, личность правонарушителя, отсутствие ранее, признание факта, возмещение ущерба. Потом голос дошёл до главного.

— Назначить административное наказание в виде обязательных работ сроком на сто двадцать часов.

Сначала Логинов даже не понял. Слова были знакомые. Каждое по отдельности. Вместе они звучали как фраза на

иностранном языке, который он не учил, но теперь должен сдать.

— Что? — сказал он.

Судья подняла глаза.

— Сто двадцать часов обязательных работ.

— Но... штраф нельзя?

— С учётом обстоятельств суд считает назначение обязательных работ соразмерным.

Соразмерным. Красивое слово. Длинное. В нём можно спрятать всё: мыло, корм, стыд, чужой график, твою жизнь на ближайшие недели.

— Я могу обжаловать?

— Имеете право. Порядок указан в постановлении.

Секретарь протянула ему бумаги. Бумаги были тёплые от принтера. Жизнь только что вышла на печать. В коридоре Логинов сел на скамейку. Бумаги лежали у него на коленях. Сто двадцать часов. Если по четыре часа — тридцать дней. Если по шесть — двадцать. Если по восемь — пятнадцать. Арифметика унижения. Математика, которую не преподают в школе, потому что дети и так рано начинают подозревать, что взрослость — это плохо.

Через два дня Логинов пришёл в отдел исполнения административных наказаний. Так называлось место, где государство превращало постановление в расписание. Кабинет находился в здании районной администрации. Вход через турникет. Охранник на входе ел булочку и смотрел на людей так,

будто все они уже где-то виноваты. Логинов предъявил паспорт. Турникет пикнул одобрительно. Приятно, когда хотя бы турникет на твоей стороне. В кабинете сидела женщина по фамилии Климова. Полная, с короткими ногтями, в сером кардигане. На столе у неё стояла кружка с надписью «Я не злая, я на работе». Честная кружка. Таких людей надо назначать министрами.

— Логинов? — спросила она.

— Да.

— Обязательные работы, сто двадцать часов. Распишитесь.

Он расписался.

— Где отрабатывать будете?

— А есть варианты?

Климова посмотрела в компьютер.

— Сейчас посмотрим. Уборка территории у управы. Помощь в муниципальном складе. Подсобные работы в библиотеке. Магазин «Семь корзин».

Логинов поднял голову.

— Что?

— Магазин «Семь корзин». Они у нас в перечне по району.

— Каком перечне?

— Организации, принимающие на отработку. Там подсобные работы, помощь охране, уборка прилегающей территории, склад, зал. Вам близко по адресу.

— Нет.

Климова посмотрела на него.

— Что нет?

— Не туда.

— Почему?

Он хотел сказать: потому что там меня поймали. Потому что там Лена. Потому что там Семён Ильич. Потому что там рамка. Потому что если я туда вернусь, то всё, я не человек, а анекдот с ногами. Потому что я три дня обходил этот магазин, как собака ветеринара. Потому что даже кот возле подъезда не знает, что я купил ему корм через административное дело.

— Можно в библиотеку? — спросил он.

Климова посмотрела в компьютер ещё раз.

— Библиотека занята.

— Склад?

— Далеко. И там график дневной. Вы официально не работаете?

— Пока нет.

— Значит, можете.

— Подождите. Я же не обязан именно туда?

— Вы обязаны отработать там, куда вас направят.

— Но это тот же магазин.

— Вам удобно. Возле дома.

— Мне не удобно.

— Всем не удобно, Артём Викторович. Это наказание.

Она сказала это без жестокости. Просто напостила правила игры. Логинов вдруг понял, что спорит не с Климовой, а с принтером, перечнем и словом «соразмерно». Климова была только кассиршей государства. Она пробивала наказания по базе.

— Там конфликт интересов, — сказал он.

— Какой?

— Меня там задержали.

— Значит, они вас уже знают.

— Это не аргумент.

— Для вас нет. Для меня удобно. У них есть место. Вам близко. График можно вечерний. Сто двадцать часов быстрее закроете.

— Я не хочу.

Климова откинулась на спинку стула.

— Артём Викторович, я понимаю. Правда. Но у меня тут не бюро исполнения желаний. У меня обязательные работы. Слово «обязательные» в названии не для красоты.

Он молчал.

— Откажетесь — будет ответственность за уклонение. Не придёте — отметка. Нарушите график — отметка. Потом опять суд. Вам это надо?

Нет. Ему это было не надо. Но иногда человеку не надо ровно то, к чему он шёл последние годы. Не надо развода, а он всё делает для него. Не надо потери работы, а он каждый день становится менее нужным. Не надо сидеть в комнате

охраны, а он выходит через рамку. Не надо возвращаться в магазин, а жизнь кладёт перед ним направление и говорит: подпишите здесь. Климова распечатала лист. Принтер загудел. Бумага вышла белая, чистая, почти невинная.

— Завтра к девяти утра явитесь к ответственному лицу. Марина Сергеевна, директор. Вот адрес. Вот направление. Паспорт с собой. Форма не нужна, выдадут на месте, если потребуется. После каждой смены — отметка часов. Понятно?

— Нет, — сказал Логинов.

Климова впервые улыбнулась. Устало.

— Нормально. Никому не понятно. Но все ходят.

Он взял направление. На улице было холодно. Небо висело низко, как крышка контейнера. Логинов стоял у администрации и смотрел на лист. Магазин «Семь корзин». Сто двадцать часов. Ответственное лицо: Марина Сергеевна. Вид работ: подсобные работы, помощь службе охраны, контроль входной зоны, уборка прилегающей территории по графику. Контроль входной зоны. Он перечитал. Контроль входной зоны. Это было уже не наказание. Это был стендап Бога, если Бог работал ночным администратором в дешёвом супермаркете и ненавидел людей за неоплаченные пакеты.

Вечером он всё-таки пошёл в «Семь корзин». Не завтра. Сегодня. Чтобы вернуть Лене деньги и посмотреть врагу в глаза. Врагом был не магазин. Врагом была дверь. Он стоял у входа минуты три. Автоматические двери открывались пе-

ред другими людьми. Перед ним тоже открывались, потом закрывались, потом снова открывались, как будто магазин дышал и ждал. Логинов чувствовал себя идиотом. Взрослый мужчина стоит перед супермаркетом и боится войти. С другой стороны, взрослый мужчина уже украл мыло, так что планка была на полу. Он вошёл. Рамка молчала.

Саша, молодой охранник, стоял у входа. Узнал его сразу. Лицо у Саши стало чуть интереснее.

— Здравствуйте, — сказал Логинов.

Саша кивнул.

— Вам кого?

— Лену. Кассиршу.

— Деньги вернуть?

Логинов повернулся к нему.

— Вы тут новости по громкой связи передаёте?

— У нас маленький коллектив.

— Магазин двести метров.

— Всё равно маленький.

Саша нажал рацию.

— Лена, тут к тебе.

Через минуту подошла Лена. В форме, с бейджем, с тем же лицом, только ещё более уставшим. Она увидела Логинова и не удивилась. Видимо, в этом магазине удивление тоже было списанным товаром.

— Я вам должен, — сказал он.

— Я помню.

— Вот.

Он протянул тысячу триста рублей наличными. Специально снял в банкомате, чтобы не просить номер. Купюры были новые, хрустящие, как чужое достоинство. Лена взяла деньги.

— Тысяча двести сорок восемь было.

— Оставьте.

— Мне чаевые за мыло не нужны.

Она отсчитала сдачу и протянула ему пятьдесят рублей. Потом поискала мелочь, не нашла.

— Два рубля потом занесёте.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Он взял пятьдесят рублей. Пальцы их не встретились. Хорошо. В кино они бы встретились, и началась бы какая-нибудь ерунда про вторые шансы. В жизни кассирша просто забирает свои деньги и возвращается на кассу, потому что очередь не оплатит себя сама.

— Спасибо, — сказал Логинов.

Лена посмотрела на него.

— Вы всем теперь это говорите или только тем, кто за вас платит?

— Заслужил.

— Заслужили бы — не я бы платила.

Она ушла. Сильно. Просто. Без пощады. Логинов даже почувствовал уважение. К людям с ножами всегда чувствуешь

уважение, если они режут точно.

— Красиво, — сказал голос сзади.

Логинов обернулся. Семён Ильич стоял у стойки охраны с кружкой в руке. На нём был тот же жилет. Та же сухая шея. Те же глаза, в которых жизнь давно перестала быть новостью.

— Вы здесь живёте? — спросил Логинов.

— Почти.

— Я думал, у вас смена не каждый день.

— У меня возраст каждый день. Смена — как получится.

— Я не к вам.

— Заметил. Ко мне обычно не ходят добровольно.

Логинов достал направление из кармана. Бумага уже помялась. Всё, что касается государства, мнётся в руках быстрее всего.

— Меня направили сюда.

Семён Ильич взял лист. Прочитал. Медленно. Потом посмотрел на Логинова. На лице старика не было победы. Это было важно. Он не улыбнулся, не сказал «а я говорил», не пошутил сразу. Он просто посмотрел так, будто в магазине сработала не рамка, а какой-то очень старый механизм, который ждал Логинова много лет и наконец дождался.

— Сто двадцать часов, — сказал он.

— Да.

— Помощь службе охраны.

— К сожалению.

— Почему к сожалению?

— Потому что я не собираюсь становиться охранником.

— Это хорошо, — сказал Семён Ильич. — Охранниками обычно становятся не собираясь.

Логинов забрал направление.

— Завтра к девяти. К Марине Сергеевне.

— Она будет рада.

— Сомневаюсь.

— Рада — не значит счастлива. Рада — значит график закрыла.

Они стояли у входа. Мимо шли люди с корзинами. Кто-то покупал ужин. Кто-то сигареты. Кто-то молоко. Кто-то хлеб. У всех были свои дела. Никто не знал, что рядом с ними человеку только что выдали кусок будущего в формате А4.

— Я не должен вам подчиняться? — спросил Логинов.

— Должны.

— Почему?

— Потому что Марина Сергеевна не будет сама показывать вам, где швабра и как смотреть в камеры. А Саша молод. Он ещё думает, что охрана — это когда мышцы. Значит, будете со мной.

— Отлично.

— Не то слово.

— Вы довольны?

Семён Ильич сделал глоток из кружки.

— Нет.

— А похоже.

— Это у меня лицо такое. Экономит мимику.

Логинов посмотрел на рамку у выхода. Вчера она орала. Сегодня молчала. Завтра он будет стоять рядом с ней не как покупатель. Как кто? Нарушитель? Помощник? Наказанный? Человек в дешёвом жилете? Экспонат в музее собственной глупости?

— Я отработаю и уйду, — сказал он.

— Конечно.

Опять это слово. Логинов закрыл глаза на секунду.

— Вы можете не говорить «конечно»?

— Могу.

— Спасибо.

— Но тогда придётся говорить правду.

— И какая правда?

Семён Ильич посмотрел на поток покупателей. Женщина с ребёнком. Старик с хлебом. Курьер с телефоном. Мужчина в дорогом пальто, который прошёл мимо рамки так уверенно, будто у него оплачено даже одиночество.

— Правда в том, Артём Викторович, что уйти отсюда легко. Трудно будет потом не взять этот магазин с собой.

Логинов усмехнулся.

— Опять мудрость.

— Нет. Опыт. Мудрость — это когда красиво. Опыт — когда противно, зато правда.

Логинов вышел из магазина. Рамка снова молчала. На улице было темно. В витрине отражался он сам: мужчина со-

рока лет, пуховик, усталое лицо, направление в кармане. За его спиной светился магазин. С полками, кассами, камерами, Леной, Сашей, Семёном Ильичом и жилетом, который где-то уже ждал его, как приговор из дешёвой ткани. Телефон завибрировал.

Ольга: «Спасибо за перевод. Егор спросил, как ты».

Логинов остановился. Долго смотрел на экран.

Потом набрал: «Скажи, что нормально».

Стер.

Набрал: «Скажи, что я завтра начинаю новую работу».

Стер.

Набрал: «Скажи, что я пока не знаю».

И впервые за весь день не стёр. Отправил. Через минуту Ольга ответила: «Это хотя бы похоже на правду». Логинов убрал телефон. Ветер тащил по асфальту пустой пакет. Пакет цеплялся за бордюр, дёргался, освобождался, снова цеплялся. Он хотел улететь, но район держал его за ручки. Логинов постоял, посмотрел на него и пошёл домой. Завтра в девять он должен был вернуться. Не за покупками.

Глава 4. Жилет

Утром Логинов пришёл в магазин за тринадцать минут до девяти. Это было глупо.

Человек, которого приговорили к обязательным работам, не должен приходить раньше. В этом было что-то слишком старательное. Слишком школьное. Слишком «я больше не буду, Марья Ивановна». Но опоздать он боялся сильнее. Опоздание превратило бы его из человека, случайно вынесшего мыло, в человека, который даже наказание не может отбыть прилично. Разница небольшая, но в сорок лет начинаешь жить на небольших разницах. Между «неплохо выглядишь» и «держишься». Между «пока нет денег» и «денег нет». Между «ошибся» и «попался». Между «пришёл раньше» и «пришёл как последний идиот, который хочет понравиться собственному приговору».

Магазин ещё не успел окончательно проснуться. Автоматические двери открывались лениво, будто им тоже не хотелось начинать смену. У входа стояли две сотрудницы в куртках поверх формы и курили. Одна была Лена. Вторая — маленькая женщина с красными руками и лицом, которое говорило: я уже всё видела, но зарплата заставляет досматривать. Они разговаривали о чьём-то больничном, о просроченной сметане и о том, что новый поставщик привёз бананы «как после развода». Увидев Логинова, Лена не изменилась в ли-

це. Это был талант. Она могла бы работать в разведке или на кассе. Впрочем, касса, возможно, сложнее.

— Доброе утро, — сказал Логинов.

— Бывает, — сказала Лена.

Вторая сотрудница посмотрела на него с интересом. Не с ненавистью. Не с презрением. С тем рабочим интересом, с которым люди смотрят на сломанный терминал: ну что там у нас, опять проблема?

— Это тот? — спросила она у Лены так, будто Логинов был не человеком, а сортом картофеля.

— Тот, — сказала Лена.

— А-а.

И всё. Вот это «а-а» было хуже длинной лекции. В нём было признание, оценка, отсутствие удивления и печать отдела кадров. Логинов вдруг понял, что его история уже прошла по магазину, потеряла детали, обросла смешками, подсохла и стала внутренней байкой. Не «Артём Викторович Логинов, сложный жизненный момент, случайность, суд». Нет. «Тот с кормом». Или «тот с мылом». Или, хуже всего, «тот, за которого Лена платила». Человек может сколько угодно считать себя личностью, но коллектив быстро подбирает ему ярлык покороче. Так удобнее хранить в памяти.

— Марина Сергеевна уже пришла? — спросил он.

— В кабинете, — сказала Лена. — Только она сегодня злая.

— А обычно?

Лена посмотрела на него.

— Обычно она тренируется.

Логинов кивнул, как будто понял рабочий юмор. Рабочий юмор — вещь особенная. Он не для веселья. Он для того, чтобы люди не начали кричать прямо у входа. Внутри магазин был ещё пустой, но уже шумел. Пустые магазины шумят честнее полных. Когда нет покупателей, слышно, как на самом деле живёт место: гудят холодильники, пищит какая-то техника, где-то на складе падает коробка, кто-то ругается, тележки скребут пол, сканер на кассе тренируется быть маленькой сволочью. Свет был белый и жестокий. Под таким светом никто не выглядит хорошо. Даже хлеб. Особенно люди.

Логинов прошёл мимо рамки. Она молчала. Он поймал себя на том, что задержал дыхание. Как будто рамка могла помнить. Как будто у неё был характер, архив, обида. Электронное устройство за девяносто тысяч рублей, поставленное у входа, чтобы отличать оплаченный шампунь от неоплаченного, стало для него личным врагом. Человек всегда ищет врага по размеру своей слабости. Иногда это правительство. Иногда бывшая жена. Иногда рамка у супермаркета.

Кабинет Марины Сергеевны находился за складом, рядом с комнатой персонала. На двери висела табличка «Директор», напечатанная на листе А4 и вставленная в пластиковый карман. Табличка была слегка перекошена. В этом было всё

управление. Внутри Марина Сергеевна сидела за столом, заваленным накладными, распечатками, ценниками, кружкой с недопитым кофе и двумя телефонами. Один телефон лежал экраном вверх и постоянно вспыхивал, второй экраном вниз, как покойник после неудачного созвона.

— Логинов, — сказала она, даже не поздоровавшись.

— Доброе утро.

— Посмотрим.

Она взяла направление, которое он протянул, прочитала. Хотя уже знала. Люди в системе любят читать то, что им уже известно. Так документ становится реальнее человека.

— Сто двадцать часов, — сказала она.

— Да.

— График будем ставить с девяти до тринадцати по будням. Если нужно, можем часть смен перенести на вечер. Но без фокусов. Опоздания, уход раньше, конфликты, отказ от работ — я отмечаю. Понятно?

— Понятно.

— Не хамить покупателям.

— Я не сотрудник.

— Тем более.

Она открыла ящик, достала папку, какие-то листы, журнал. Логинов подписал инструктаж. Охрана труда. Пожарная безопасность. Правила поведения. Запрет покидать рабочее место без разрешения. Запрет вступать в конфликт. Запрет находиться в служебных помещениях без сопровождающе-

го. Запрет использовать телефон в зале без необходимости. Запрет, запрет, запрет. Его жизнь вдруг обрела структуру. Жаль, в виде запретов.

— Основное ответственное лицо — я, — сказала Марина Сергеевна. — Непосредственно работать будете с Семёном Ильичом. Он покажет, что делать. В зал без него не лезть. На кассы не подходить. С деньгами не контактировать.

На слове «деньгами» она сделала маленькую паузу. Не специально. Или специально. У хороших администраторов паузы тоже на складе.

— Я понял, — сказал Логинов.

— Не уверена.

— Я понял, что с деньгами мне лучше не контактировать. Это взаимно.

Марина Сергеевна подняла глаза.

— Артём Викторович, у вас есть шанс спокойно отработать эти часы и исчезнуть из нашей жизни. Не тратьте его на остроумие. У нас оно не оплачивается.

Ему понравилась эта фраза. Он бы даже записал, если бы не был объектом применения.

— Хорошо.

— И ещё. У нас коллектив. Люди разные. Кто-то будет шутить, кто-то коситься, кто-то задавать вопросы. Вы не отвечаете. Вы работаете.

— А если оскорблять будут?

— Это магазин. Здесь всех оскорбляют. Добро пожало-

вать.

Она встала, взяла из шкафа светоотражающий жилет. Жёлтый. Почти оранжевый. Такой цвет носят люди, которых должно быть видно, но не обязательно уважать. Дворники, дорожники, грузчики, охранники, волонтеры на мероприятиях, несчастные на обязательных работах. Жилет был помят, с тёмным пятном возле кармана. На спине крупными чёрными буквами было написано: «ОХРАНА». Ниже кто-то маркером мелко вывел стрелочку и рядом нацарапал: «самого себя». Потом, видимо, пытались стереть, но осталось.

— Это мне? — спросил Логинов.

— Нет, стене. Надевайте.

— Я не охрана.

— Сегодня — помощь охране.

— Может, без надписи?

— Может, без нарушения надо было.

Она сказала это ровно. Без злобы. И именно поэтому Логинов замолчал. Он взял жилет. Ткань была неприятная, синтетическая, с запахом старого шкафа, пыли и чужих смен. Надел поверх куртки. Жилет сел плохо. Конечно, сел плохо. Жилет обязательных работ не обязан сидеть хорошо. Он обязан напоминать человеку, что тот временно принадлежит не себе. Марина Сергеевна осмотрела его.

— Нормально.

— Вы серьёзно?

— Для нашего магазина — да.

Она открыла дверь.

— Семён Ильич!

Старик появился не сразу. Сначала из-за угла вышла его кружка. Потом рука. Потом уже он сам. Утро его не украсило. Впрочем, у утра на Семёна Ильича, кажется, давно не было прав. Он был в тёмной форме, с бейджем, с тем же лицом человека, который пережил несколько исторических эпох и теперь не удивляется даже ценам на гречку. Он посмотрел на Логинова в жилете. Молчал. Это было недостойно. Нормальный человек должен был сказать что-нибудь. Посмеяться. Уколоть. Отпустить фразу. Логинов уже приготовился ненавидеть. Но Семён Ильич просто смотрел. И от этого жилет стал тяжелее.

— Ну? — не выдержал Логинов.

— Что «ну»?

— Говорите уже.

— Что?

— Что-нибудь про жилет.

Старик отпил чай.

— Жилет как жилет.

— Всё?

— А вы хотели, чтобы он вас уважал?

Марина Сергеевна кашлянула, пряча улыбку. Или простуду. В этом магазине улыбки тоже прятали, чтобы не оштрафовали.

— Семён Ильич, забирайте. Инструктаж проведите. Пер-

вые четыре часа сегодня. Зона входа, помощь по залу, потом склад, если Руслан попросит. И проследите, чтобы не ушёл раньше.

— Он не уйдёт, — сказал Семён Ильич.

— Почему это? — спросил Логинов.

Старик посмотрел на него.

— Уходить раньше — это когда есть куда.

С этим он тоже мог бы поспорить. Но не стал. Плохая привычка — спорить с фразами, которые попали. Они вышли в зал. Покупателей уже стало больше. Утренние люди отличаются от вечерних. Вечерние приходят за компенсацией. Утренние — за необходимостью. Пенсионеры с тележками, женщины после ночных смен, мужчины с лицами, которым ещё не объяснили день, курьеры, покупающие энергетики, офисные, берущие кофе и бананы, будто это завтрак, а не признание поражения. Логинов шёл за Семёном Ильичом в жилете, и ему казалось, что все смотрят. Все знают. Все видят надпись на спине, а под ней невидимую вторую: «ПОПАЛСЯ».

На самом деле почти никто не смотрел. Это было обидно. Человек готовится к всеобщему осуждению, а мир занят скидкой на творог. Его позор не собирает аншлаг. Его трагедия не интересует женщину, выбирающую корм для собаки. Мужчина у овощей не знает, что перед ним проходит человек, которому суд назначил сто двадцать часов. Ему важно, почему помидоры опять как пластмассовые органы неиз-

вестного животного. И он прав. Помидоры — реальная проблема. Логинов — локальная. Семён Ильич остановился у входа.

— Первое правило, — сказал он.

— Уже?

— Вы думали, охрана — это стоять?

— Примерно.

— Стоять можно и в очереди. Там даже чаще платят нервами. Охрана — это смотреть.

— На что?

— На людей.

— Очень конкретно.

— На руки. На глаза. На сумки. На тех, кто слишком спешит. На тех, кто слишком спокойно идёт. На тех, кто оглядывается не туда. На тех, кто делает вид, что ему всё равно. На тех, кто пришёл не покупать, а доказать себе что-то. На детей. На стариков. На мужчин после плохих звонков.

Логинов понял, что последнее было про него.

— Вы всех покупателей так подозреваете?

— Нет. Я всех покупателей уважаю одинаково: никому не верю заранее.

— Мило.

— Магазин не храм. Хотя свечи продаём.

Семён Ильич показал на рамку.

— Вот это не судья. Это железка. Она пищит не потому, что знает правду. Она пищит, потому что в неё так заложено.

ли. Не надо её бояться. И не надо ей верить больше, чем человеку.

— Вчера вы ей поверили.

— Вчера я поверил камере.

— А мне?

— А вы вчера много говорили.

— И что?

— Люди, когда говорят много, часто мешают правде выйти.

Логинов засунул руки в карманы куртки. Потом вспомнил, что на нём жилет, и достал. Не хотелось выглядеть ребёнком, которого поставили в угол. Хотя, если честно, именно так он и выглядел. Только угол был торговой площадью.

— Ваше место пока здесь, — сказал Семён Ильич. — У входа. Не загораживать проход. Не цепляться к людям. Не изображать власть. Если рамка срывается — зовёте меня или Сашу. Самостоятельно никого не хватать, не обыскивать, не воспитывать. Вопросы?

— Есть.

— Задавайте.

— Зачем я здесь, если мне нельзя ничего делать?

— Хороший вопрос.

— И?

— Чтобы понять, каково это — стоять там, где вчера вас остановили.

Логинов посмотрел в ответ.

— Это часть наказания?

— Нет. Это бонус.

Семён Ильич ушёл к стойке охраны, оставив его у входа. Первые десять минут Логинов просто стоял. Стоять оказалось труднее, чем он думал. Когда человек стоит без цели, тело начинает требовать объяснений. Куда деть руки? Смотреть прямо или в сторону? Улыбаться? Не улыбаться? Если не улыбаться — вид уголовный. Если улыбаться — вид сумасшедший. Переступить с ноги на ногу — нервничаешь. Стоять ровно — изображаешь памятник обязательным работам. Он пытался смотреть на людей, но не пялиться. Пытался быть незаметным в жилете цвета дорожной аварии. Ничего не получалось. Через вход прошла женщина с маленькой девочкой. Девочка посмотрела на Логинова и спросила:

— Мам, а этот дядя полицейский?

Мать даже не повернула головы.

— Нет, это охрана.

— А он плохих ловит?

Мать посмотрела на Логинова. Быстро. Вежливо. Без интереса.

— Наверное.

Девочка кивнула. Логинов почувствовал, что его повысили. Вчера он был плохим. Сегодня уже ловит плохих. Карьера в России бывает стремительной, если потерять совесть и надеть жилет. Через пятнадцать минут подошёл Саша. Молодой охранник, широкий, с лицом человека, которому

спортзал заменил литературу, а может, и правильно сделал. В руках у него был телефон. На экране кто-то бегал и стрелял.

— Ну что, Артём Викторович, как служба?

— Не называй меня так.

— А как?

— Логинов.

— У нас тут все по имени-отчеству, если залетели по бумаге.

— Это где написано?

— В традициях.

Саша усмехнулся. Не зло. Просто молодость не умеет не смеяться там, где у другого человека больно. Она думает, что боль — это жанр.

— Ты долго тут? — спросил Логинов.

— Два года.

— И нравится?

— Нормально. Ночь, день, смены. Иногда движуха. Иногда тухло. Люди смешные.

— Чем?

— Всем. Вчера один мужик орал, что он депутат. Оказался сантехник. Позавчера бабка пыталась вынести селёдку в шапке. До этого парень украл презервативы и сказал, что это не для него, а для друга. Всегда для друга.

— Смешно.

— Не очень. Но потом смешно.

Саша посмотрел на него и добавил:

— Ты не парься. Тут все через неделю забудут.

— Что забудут?

— Что ты корм спёр.

— Я не спёр.

— Ну вынес.

— Случайно.

— Конечно.

Логинов сжал зубы. Слово опять нашло его, как коллектор.

— Ты специально?

— Что?

— Ничего.

Саша ушёл. Логинов остался стоять. Рамка молчала. Люди входили, выходили. Через некоторое время он начал замечать то, что раньше не видел. Мужчина у входа автоматически втягивал живот, проходя мимо зеркальной поверхности. Женщина перед дверью проверяла лицо в телефоне и стирала помаду с зуба. Старик с тростью останавливался не потому, что устал, а потому что не хотел, чтобы это заметили. Мальчик в школьной форме прятал в карман сдачу, которую мать дала на хлеб, и смотрел в сторону шоколадок. Молодая девушка с дорогой сумкой на входе шла уверенно, а на выходе пересчитывала монеты в ладони. Все входили в магазин как покупатели, а выходили как люди, которым что-то не хватило, даже если пакет был полный.

Через полчаса Семён Ильич вернулся.

— Ну? — спросил он.

— Что?

— Видите?

— Людей.

— Это все видят. Даже Саша иногда.

— А что надо?

— Пока ничего. Просто не мешайте глазам работать.

— У меня глаза и так работают.

— У многих работают. А смотрят единицы.

Логинов хотел сказать, что это звучит как дешёвый тренинг для охранников. Но не сказал. Потому что за последние полчаса он действительно увидел больше, чем за последние несколько лет. Это было неприятное открытие. Оказывается, он не был наблюдательным. Он был раздражённым. Это разные профессии. К десяти пришёл Руслан.

Логинов понял, что это Руслан, потому что Руслан вошёл с ramпы, толкая перед собой тележку с коробками, и все сразу начали уступать дорогу. Он был лет тридцати, худой, жилистый, с тёмными волосами, тонкими усами и походкой человека, у которого спина давно подписала заявление об увольнении, но начальство не согласовало. На нём была рабочая кофта, перчатки без пальцев и выражение лица «всех ненавижу, но отдельно». Он остановился возле Семёна Ильича.

— Ильич, это наш новый генерал?

— Временный.

Руслан посмотрел на Логинова, на жилет, на его лицо.

— А, это тот с котом?

— С кормом, — сказал Логинов.

— Кот-то хоть оценил?

— Ест.

— Ну хоть кто-то в плюсе.

Руслан засмеялся, но без злобы. В его смехе было больше пыли, чем издевательства.

— Маринка сказала, чтобы после входа его на склад ко мне. Коробки перетащить. У нас там ад.

— У вас там всегда ад, — сказал Семён Ильич.

— Не всегда. Иногда поставка.

Руслан укатил тележку. На ходу крикнул:

— Артём Викторович, руки берегите! Они вам ещё объяснения писать!

Саша заржал у стойки. Лена на кассе подняла глаза, но не улыбнулась. Или улыбнулась внутри, где у неё, возможно, ещё оставалось место. Логинов почувствовал, как злость поднимается привычной волной. Он уже почти открыл рот. Хотел сказать что-нибудь про грузчиков, про образование, про то, что не надо тыкать человеку в его ошибку. Хотел вернуть себе хоть кусок вертикали. Семён Ильич сказал тихо:

— Не надо.

— Что не надо?

— То, что вы сейчас собирались.

— Вы мысли читаете?

— Нет. Рот.

Логинов закрыл рот. Победа была маленькая. Никто её не заметил. Но она была. Он не ответил. Не потому что стал мудрым. А потому что понял: если ответит, станет смешнее. Иногда взросление начинается не с красивого поступка, а с экономии позора. В одиннадцать рамка запищала. Логинов вздрогнул так, будто это был выстрел. Через рамку выходила пожилая женщина в коричневом пальто и вязаной шапке с помпоном. В руках у неё был пакет, в пакете — батон, молоко, крупа, что-то в прозрачном контейнере. Женщина остановилась сама. Не испугалась. Просто устало посмотрела на рамку, потом на Логинова.

— Опять, — сказала она.

Логинов автоматически оглянулся на Семёна Ильича. Старик был у стойки и смотрел. Не спешил.

— Подождите, пожалуйста, — сказал Логинов.

Голос вышел официальным и мерзким. Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Я и жду.

— Сейчас... сейчас подойдёт охрана.

Она перевела взгляд на его жилет.

— А вы кто? Цветочный горшок?

Саша прыснул где-то сбоку. Логинов почувствовал, как жилет на нём вспыхнул. Он шагнул ближе.

— У вас сработала рамка.

— Я слышала. У меня слух пока бесплатный.

— Нужно проверить.

— Проверяйте.

Она поставила пакет на столик. Движение было спокойное. Без паники. Логинов не знал, что делать дальше. Трогать пакет нельзя. Обыскивать нельзя. Воспитывать нельзя. Быть бесполезным можно. Он это умел, но раньше без жилета. Подошёл Семён Ильич.

— Нина Павловна, опять вы?

— А кто же ещё будет развлекать вашу технику, Семён Ильич?

— Что сегодня?

— Да откуда я знаю. Может, шапка преступная.

Семён Ильич взял пакет, посмотрел чек, потом провёл товары через маленький ручной датчик. Запищало на упаковке творожных сырков.

— Магнит забыли снять, — сказал он.

— Конечно, забыли, — сказала Нина Павловна. — Сырки теперь как драгоценности. Скоро с паспортом продавать будут.

Семён Ильич снял наклейку, рамка больше не пищала. Нина Павловна взяла пакет. Перед уходом посмотрела на Логинова.

— Новенький?

— Вроде того.

— Не бойтесь. Она на всех орёт. Не только на виноватых.

И ушла. Эта фраза осталась висеть у входа. Логинов посмотрел на рамку. На Семёна Ильича.

— Видите? — сказал старик.

— Что?

— Железка ошиблась.

— Бывает.

— И что?

— А вчера она не ошиблась.

Он усмехнулся.

— Вы обязательно должны были это сказать?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы вы не перепутали две удобные мысли.

— Какие?

— Первая: техника может ошибаться. Вторая: значит, я ни при чём.

Логинов отвернулся.

— Я не говорил, что ни при чём.

— Пока нет.

— Вам надоело?

— Что?

— Меня ловить на словах.

— Это не я. Это слова вас ловят.

— Пойдёмте на склад, — сказал Семён Ильич.

— Зачем?

— Руслан просил. И вам полезно.

— Что полезно?

— Понять, что магазин не заканчивается там, где покупатель получил чек.

Они прошли через зал. Логинов теперь шёл не за стариком, а рядом. Не потому что они стали равны. Просто проход был узкий. У кассы Лена пробивала товары. Она мельком посмотрела на Логинова в жилете. Ничего не сказала. Лучше бы сказала. Молчание Лены было как сканер: пик — и ты пробит.

На складе пахло картоном, пылью, бананами и человеческой спиной. Коробки стояли башнями. Пластиковые ящики, палеты, упаковки воды, мешки сахара, пакеты с крупой, бытовая химия, рулоны туалетной бумаги, коробки с чипсами, которые занимали слишком много места для продукта, не имеющего смысла. Руслан стоял у палеты и смотрел на неё с ненавистью рабочего человека к физическому миру.

— О, генерал пришёл, — сказал он. — Ильич, можно я его в бой?

— Осторожно, — сказал Семён Ильич. — Он у нас по решению суда, не по собственному желанию. Хрупкий.

— Все мы тут по решению суда, — сказал Руслан. — Просто некоторым судья называется ипотека.

Он показал на коробки.

— Вот эти — на стеллаж. Эти — к молочке. Эти не трогать, там Маринка голову оторвёт. Перчатки возьми. Спина есть?

— Есть, — сказал Логинов.

— Была, — уточнил Руслан. — Через час проверим.

Логинов надел перчатки и взял первую коробку. Коробка была с водой. Тяжёлая. Очень. Вода вообще странная вещь: когда пьёшь — лёгкая, когда таскаешь — проклятие. Он поднял её, почувствовал, как поясница сказала первое серьёзное слово за день. Донёс до стеллажа. Поставил. Вернулся. Взял вторую. Потом третью. Через двадцать минут он вспотел. Через сорок начал ненавидеть производителей упаковки. Через час перестал думать. Это было неожиданно приятно. Тело страдало, зато голова заткнулась. Когда носишь коробки, невозможно одновременно строить защитительную речь для суда, бывшей жены и старого охранника. Коробка либо в руках, либо на полу. Всё. Простая философия склада.

Руслан работал быстро, матерился почти музыкально, но без злобы. Он ругал коробки, поставщиков, погоду, Марину Сергеевну, свою спину, правительство, сахар, который опять привезли не тот, и покупателей, которые считают, что товар сам вырастает на полке ночью, как гриб после дождя.

— Думал, охрана — это стоять? — спросил он, передавая Логинову упаковку воды.

— Уже спрашивали.

— Значит, правда.

— Вы тут все друг друга цитируете?

— У нас маленькая библиотека. Ильич — философия, Лена — ножи, Маринка — уголовный кодекс, Саша — картин-

ки в телефоне, я — устное народное.

Логинов неожиданно усмехнулся.

— А я?

Руслан посмотрел на него.

— Ты пока аннотация.

— К чему?

— К неприятностям.

Это было почти дружелюбно. К часу дня Логинов еле стоял. Жилет прилип к спине. Волосы намокли у висков. Руки дрожали. Поясница ныла. Он расписался у Марины Сергеевны в журнале: четыре часа. Цифра выглядела смешно. Всего четыре. Осталось сто шестнадцать. Это как начать есть суп вилкой и узнать, что кастрюля без дна. Марина Сергеевна поставила отметку.

— Завтра в девять.

— Да.

— Телефон меньше доставать.

— Я не доставал.

— Хорошо. Значит, продолжайте не доставать.

Она закрыла журнал. Он вышел через рамку. Она молчала. На улице день был серый, мокрый, бездарный. Рядом с урной валялся пустой пакет. Логинов остановился, посмотрел на него, потом поднял и выбросил. Ничего великого не произошло. Небо не раздвинулось. Голос сверху не сказал: «Молодец, Артём, первый шаг». Прохожие не заплотировали. Семён Ильич не увидел. Лена не увидела. Даже кот,

скорее всего, был занят своими кошачьими судами. Логинов просто выбросил пакет в урну. И пошёл домой, хромя чуть сильнее, чем утром.

Глава 5. Сырок

Семён Ильич сидел в комнате охраны и ел овсяное печенье. Печенье было серое, овальное и выглядело так, будто его сделали из старых газет и сожалений. На столе стояла кружка с чаем. Мониторы показывали утренний зал. Люди двигались по квадратикам, как микробы под стеклом у скучающего Бога.

— Опоздали? — спросил Семён Ильич.

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Хотел посмотреть, как будете оправдываться сегодня. Вчера хорошо получалось.

Логинов взял жилет с крючка. Тот самый. Жёлтый, с пятном, с надписью «ОХРАНА» и почти стёртой стрелкой «самого себя». Надевать его во второй раз было хуже, чем в первый. В первый раз можно было сказать себе: это случайность, абсурд, плохой сон с бухгалтерией. Во второй раз уже началась привычка. А привычка — это когда унижение перестаёт стучаться и достаёт свой ключ.

— Сегодня тоже у входа? — спросил Логинов.

— Сегодня сначала у входа. Потом зал. Потом посмотрим.

— На что?

— На вас.

— Я экспонат?

— Пока материал.

— Для чего?

Семён Ильич доел печенье, стряхнул крошки в ладонь и высыпал их в мусорное ведро. Аккуратно. Даже крошки у него проходили инструктаж.

— Для человека.

— Красиво.

— Нет. Грязно, долго и без гарантии.

Они вышли в зал. Утро было похоже на вчерашнее, но Логинов уже знал его запах. Белый свет. Холодильники. Сырость у входа. Разогретые булочки из пекарни, которые пахли лучше, чем жили. Мокрые куртки покупателей. Кофе из автомата. Пластик. Бытовая химия. Деньги, которых не хватает. Всё это смешивалось в воздухе, и магазин дышал прямо ему в лицо. Семён Ильич поставил его у входа.

— Сегодня второе правило.

— Их много?

— Меньше, чем ошибок, больше, чем надо.

— Давайте.

— Не радуйтесь, когда ловите другого.

Логинов поднял глаза.

— С чего вы взяли, что я буду радоваться?

— Все радуются.

— Я не все.

— Вчера уже обсуждали. Все места заняты.

— Почему я должен радоваться?

— Потому что чужая вина на секунду моет собственную.

Очень удобное мыло. Бесплатное.

Слово «мыло» опять ударило. Семён Ильич делал это специально. Логинов уже понял. Старик был не грубый. Грубость — это когда человек бьёт куда попало. Семён Ильич бил туда, где синяк ещё не пожелтел.

— Я не собираюсь никого ловить, — сказал Логинов.

— Собираетесь.

— Нет.

— Вы вчера весь вечер думали, что в этом магазине полно настоящих воров, а вас наказали за ерунду. Сегодня вам захочется найти хоть одного, чтобы доказать себе, что вы лучше.

Логинов хотел возразить. Потом не стал. Потому что старик был прав наполовину. А половина правды иногда противнее целой. Целую можно отрицать как преувеличение. Половина пролезает в щель.

— А если человек реально ворует?

— Тогда и разбирайтесь с тем, что реально. Не с тем, что вам удобно.

— Вы всегда усложняете.

— Это вы всю жизнь упрощали.

Семён Ильич ушёл к мониторам, оставив фразу лежать возле рамки, как забытый товар.

Логинов стоял. Сначала смотрел на руки людей. Потом на

сумки. Потом на глаза. Потом понял, что Семён Ильич испортил ему магазин. Раньше магазин был местом, где продукты. Теперь там были люди, и каждый нёс что-то, чего не видно в корзине. Женщина брала самый дешёвый чай и делала вид, что выбирает вкус. Мужчина у кассы смотрел на экран терминала с таким напряжением, будто там не сумма, а диагноз. Парень в наушниках прошёл мимо акции на шоколад, остановился, вернулся, взял батончик, прочитал цену, положил обратно и ушёл с лицом человека, который проиграл маленькую войну. Ребёнок пытался засунуть в карман машинку, мать заметила и молча забрала. Даже без скандала. Просто забрала. Ребёнок надулся. Мать выглядела так, будто ей тоже хочется что-нибудь украсть. Например, час сна.

К десяти в зал вошла пожилая женщина. Не совсем бедная. Это Логинов заметил сразу и сам себе удивился. Пальто старое, но чистое. Сумка потеряная, но хорошая, из тех, что покупали когда-то давно, когда ещё верили в качество. Платок аккуратно завязан. Лицо сухое, губы поджаты, глаза острые. Не бабушка из социальных роликов. Не мягкая старушка с дрожащими руками и пустым кошельком. Скорее бывшая заведующая чем-то. Библиотекой, отделом кадров, чужой жизнью. Такие женщины даже беднеют с осанкой. Она взяла корзину и пошла к молочке. Логинов не должен был смотреть именно на неё. Но стал.

Почему? Потому что она двигалась слишком аккуратно. Не медленно, как старые люди, а именно аккуратно. Слов-

но каждый жест заранее согласован с невидимой комиссией. Она взяла молоко. Посмотрела на цену. Поставила обратно. Взяла другое. Потом творог. Потом подошла к сыркам. Глазированные сырки лежали в низком холодильнике, как маленькие кирпичики счастья по тридцать девять девяносто. На них была акция. Акции любят стариков. Старики любят акции. Это взаимное издевательство. Женщина взяла один сырок. Потом второй. Подержала оба. Один положила в корзину. Второй — в карман пальто. Логинов почувствовал, как внутри щёлкнуло. Вот. Вот оно. Не я. Кто-то ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.